

... ГЛАВА 1 ...

— **З**апомни, Катя... Никогда не делай людям плохо. Никогда... Ты слышишь меня?

— Слышу, бабуль. — Я не могла сдержаться слез, глядя на любимого человека, угасающего на моих глазах. — Я обещаю, обещаю...

— Твой дар исчезнет, если ты причинишь кому-то зло. Навсегда исчезнет.

Она откинулась на подушки и начала тяжело дышать, сжимая сухонькими пальцами одеяло.

— Бабушка, давай я скорую вызову! Пожалуйста! — взмолилась я, но она лишь слабо улыбнулась.

— Не надо... Пришло мое время... Никакая скорая мне уже не поможет, Катюша... Сама ведь понимаешь.

Я понимала и чувствовала, но принять не могла.

Сколько себя помню, бабушка всегда была со мной рядом. Ее теплая рука и мягкий голос успокаивали все детские, а потом и юношеские переживания. Мама умерла, рожая меня, а отца я не знала. Наш старенький дом на окраине деревни был местом, где царили уют и радость, где пахло травами и отварами, излечивающими от всех болезней. К нему всегда тянулась очередь из страждущих, и бабушка помогала всем, несмотря на то, что потом плохо себя чувствовала.

Я всегда внимательно наблюдала за ее действиями и за тем, как она смешивает травы в большой деревянной ступке, а она смеялась и приговаривала:

— Смотри, смотри, Катюша... Когда-нибудь мое место займешь. Наш дар еще ни одну женщину рода стороной не обошел.

Я не понимала, о чем говорит бабушка. Никакого дара во мне не было. И никаких изменений в себе я не ощущала. Порой мне даже казалось, что все, чем были одарены мои предшественницы, прошло мимо меня стороной.

Но я ошибалась. В ту ночь, когда мне исполнилось шестнадцать лет, ко мне пришло Знание. Оно проникло в меня мягко, осторожно, и я просто поняла, что ЗНАЮ. Мир раскрылся для меня с другой стороны, заиграл новыми красками, и я окунулась в него со всей жадностью бредущего по пустыне.

Однажды я стала свидетелем очень неприятного разговора, после которого бабушке пришлось объяснять мне некоторые вещи.

Мы уже собирались спать, когда раздался стук в дверь.

— Я сейчас, а ты засыпай. — Бабушка укрыла меня одеялом и, задернув шторы, пошла открывать.

Но я не могла лежать на месте и, осторожно подкравшись к двери, притаилась за шторами, прислушиваясь к разговору. Это была жительница деревни, еще молодая и довольно привлекательная женщина. Год назад она потеряла мужа, и теперь жила одна в большом кирпичном доме.

— Баб Дунь, ну помоги ты мне! Сколько же мне одной маяться? Я не обижу, ты не подумай...

— Что ж мне, от другой бабы оторвать и тебе пришить? — холодно поинтересовалась бабушка. — Не там счастье ищешь, Любаня. Ох, не там.

— А ты меня не суди, — в голосе женщины послышалась злость. — Я за свое счастье борюсь, а твое дело мне поспособствовать.

— Мое дело людям помогать, а не насиловать волю чужую, — резко ответила бабушка. — Иди домой, Люба. И мой тебе совет — найди свою судьбу, а не чужую примеряй.

Через минуту хлопнула дверь, и я услышала, как горько вздыхает бабушка:

— Знаю, не спишь. Иди сюда, Катюш.

Я вышла из-за шторы, и она усадила меня рядом с собой.

— Все слышала?

— Да, — кивнула я. — А что женщина хотела?

— Чтобы я чужого мужа к ней приворожила. — Бабушка даже поморщилась от этих слов, а я удивленно спросила:

— А ты не можешь?

— Я много чего могу, только вот вреда не делаю. И вот тебе мой завет — никогда свой дар во зло не используй. Волю чужую не насилуй... Поняла меня?

— Да... — прошептала, особо не понимая, о чем она говорит.

— Пойдем спать, поздно уже.

Потом, конечно, ко мне пришло понимание, о чем меня предупреждала бабушка, и я строго следовала ее советам. А сейчас я смотрела на ее умиротворенное лицо, и меня душили слезы.

— Как же я буду без тебя? Оставила ты меня одну...

В этот день лило с неба, не переставая, и мокрая листва вместе с грязью прилипала к подошвам. Октябрь уже перевалил за середину, и холодные дожди смыли все золото, еще недавно сияющее под теплым солнцем. Мрачное, низкое небо давило своим полным влаги куполом, серые деревья печально раскачивались под порывами ветра, и в их кронах уже давно не пели птицы.

Было холодно, и пронзительные дуновения попадали за воротник, когда я медленно шла к воротам кладбища. Бабуля просила помин не делать, и после похорон я не спешила возвращаться в одинокий дом.

Впереди меня шли деревенские женщины, и я услышала, как баба Маня говорит:

— И что ж теперь, Катька лечить будет? Степановна померла, к кому обращаться?

— Да передала она ей, не переживай! Точно тебе говорю! — горячо заговорила тетка Люба, когда-то просившая бабулю о привороте, вцепившись в локоть своей спутницы. — Теперь начнет дела творить...

— Какие такие дела? — охнула баба Маня. — Они зла никогда не делали... Ни порчи, ни приворотов, ни проклинали никого...

— А ты думаешь, у Светки Коротеевой мужик, отчего за Катькой сохнет? — язвительно произнесла Люба. — Приворожила она его! Приворожила!

— Да ты что? — Старуха даже приостановилась от такой новости. — А ты откуда знаешь?

— Да стал бы такой мужик за тихой да бесцветной Катькой бегать просто так? — прошипела женщина. — Светка — какая красавица! Что грудь, что бедра... А эта что?

— Ну да, ну да... — закивала головой баба Маня. — А ведь точно!

Я кашлянула, и они испуганно замерли, а потом обернулись.

— Катенька... — протянула тетка Люба, и ее глаза забегали. — А мы думали, ты у могилки осталась...

Я ничего не сказала и, прибавив шаг, быстро пошла прочь.

Ваня Коротеев бегал за мной еще со школы, но мне он никогда не нравился. Красивый, статный парень, но наглость и любовь к спиртному делали его мерзким и неприятным.

Поняв, что от меня он взаимности не добьется, после армии мужчина женился на моей однокласснице Светке Ласкиной. Первый год они вроде бы жили хорошо, а потом Ваня взялся за свое и даже принялся поколачивать свою жену, но она так любила своего мужа, что прощала ему все побои и оскорбления. У них родился сын, потом дочь, и вроде бы он успокоился, но вдруг ни с того ни с сего вспомнил о моем существовании.

Ванька приходил под мои окна, что-то плел о любви, один раз даже разбил стекло, ударив в него кулаком. Бабушка, как могла, увещевала его, он соглашался... и приходил снова.

Светлана не скрывала ко мне своей неприязни, и поплыли по всему поселку сплетни, что приворожила Катька Стоева чужого мужа. Мол, дожидая до тридцати годов никому не нужная, да и решила чужого мужика к рукам прибрать.

— Катька! Постой!

Я вздрогнула и, вынырнув из своих мыслей, увидела Ваньку Коротеева. Он стоял у моего забора, слегка покачиваясь и хмельно улыбаясь. Легок на помине!

— Иди домой, не до тебя сейчас, — сказала я и вошла в калитку, слыша, что он идет за мной. Я вовремя успела задвинуть засов, как его руки вцепились в штакетины забора.

— А для меня ведь это не преграда, Кать... — зашептал Ваня. — Пусти. Бабку твою помянем, посидим, бывшие времена вспомним.

— Нечего нам вспоминать, — сказала, не обращившись. — Ты бы к детям шел, а не под чужими заборами отирался.

— Пожалеешь ведь! — пьяно крикнул он. — Ох, пожалеешь!

— Ванька, домой пошли! — раздался визгливый голос его жены, и, обернувшись, я увидела Светлану. Она стояла в паре метров от моего дома и с ненавистью смотрела на меня. — Что ты семью свою позоришь, гад проклятый?!

— Уйди! — рывкнул он, наливаясь краской. — Пошла вон! Надоела!

— А ты, бесстыжая, не стыдно чужого мужа приваживать?! — Светка накинулась теперь на меня. — Тихая, да не приметная, а душа гнилая! Ведьма проклятая!

Я не стала слушать ее и, войдя в дом, закрыла за собой дверь. Он встретил меня тишиной и таким родным, уютным запахом, от которого защемило сердце. Рыжий кот Прошка, потеряв о мои ноги и жалобно мяукнул.

— Бабушка... — прошептала я и медленно сползла по стене. — Бабушка...

Добравшись до кровати, прямо в одежде упала на покрывало и, заливаясь слезами, не заметила, как уснула.

Проснувшись я от запаха дыма. Нашупав кнопку ночника, включила свет и ужаснулась — во все щели просачивались серые струйки и расплзались по комнате. А после я услышала треск... Пожар!

Схватив кота, помчалась к двери, но она не открывалась. Да ее заблокировали снаружи! Страх удушливой волной нахлынул на меня, и, стараясь унять панику, я бросилась

к окнам. Сорвав штору с кухонного окна, чуть не закричала — ставни тоже были закрыты.

— Помогите! — закричала я, разбив стекло табуретом. — Помогите! Пожар!

Но наше с бабушкой жилище находилось на отшибе, и я могла орать до потери голоса — меня все равно никто не услышал бы. Горела часть дома, которая была ближе к лесу — видимо поджигатель подошел с той стороны, чтобы его не заметил случайный поздний прохожий.

— Сдохни, проклятая! Хоть вздохну спокойно! — раздался насмешливый голос прямо под окном, и я поняла, что это Светлана. — К бабке своей отправляйся!

— Света, что ты делаешь? — Я вцепилась в ставни, рана руки о торчащие из рамы осколки. — В чем я перед тобой виновата?! Как ты жить с этим будешь?!

Но за окном уже стало тихо. Она ушла.

А дыма уже было столько, что я начинала задыхаться, раздирая легкие кашлем.

Первые язычки пламени появились под потолком. Это было последнее, что я увидела, прежде чем свет померк и мое сознание погрузилось в темноту.

... ГЛАВА 2 ...

Очнулась от жуткой горечи во рту. Она практически обжигала горло, и я закашлялась. Что за странный привкус? словно я выпила настойку полыни. Пожар!

Я испуганно распахнула глаза, страшась обнаружить себя в горящем доме, но это был не бабулин дом... Тупо глядя наверх, пыталась понять, что это за комната, в которой такие странные потолки... Закопченные балки, перекошенная люстра из фильмов о рыцарях — та, в которой куча свечей и... о, боже! Летучие мыши!

Нет, ну это ерунда какая-то!

Я резко села и закашлялась, чувствуя, как рот наполняется слюной от проклятой горечи.

— Я сколько раз тебе говорила, не наклоняйся над котелком, когда варишь зелья, особенно ядовитые! — прозвучал рядом недовольный голос со странным певучим говором. — На, молока выпей... Джинни только что подоила Луну.

Зелье? Джинни? Я что, в бреду?

Медленно повернув голову, я с немым изумлением посмотрела на женщину лет пятидесяти, сидящую в облезлом деревянном кресле. На спинке за ней, пристроился ворон и тарачил на меня свои бусины глаз. Женщина протягивала мне глиняную кружку и хмурилась, будто я в чем-то перед ней провинилась. Осторожно сев и взяв молоко, мотнула головой, надеясь разогнать дурман. Но происходящее было настолько реальным, что у меня внутри все похолодело.

— Какое зелье я варила? — прохрипела я каким-то чужим голосом и снова закашлялась. Мне стало понятно, что говорю явно не по-русски, но слова выскакивали легко и непринужденно.

— Арабелла, ты не помнишь, какое зелье варила? — Незнакомка пощупала мой лоб сухой теплой рукой, и я поморщилась от холода перстней, унизывающих ее пальцы. — Нет, это никуда не годится! Мы должны были сегодня избавиться от сорняков в огороде, и зелье могло нам помочь! Теперь точно останемся без урожая!

Я смотрела на нее и совершенно не понимала, о чем она говорит. И вообще, кто она такая?!

Отпив из кружки, я почувствовала облегчение — молоко прогнало горечь и стало легче дышать. В голове прояснилось, и у меня получилось более внимательно посмотреть на незнакомку.

Она была полностью седой, и ее густые волосы, собранные в аккуратный пучок, отливали серебром из-за света свечей. Надменно изогнутые брови, темные глаза, излучающие нечто такое, отчего хотелось забраться под одеяло прямо с головой. Аристократическое, узкое лицо с длинным носом и тонкими губами и такая прямая осанка, что казалось, будто к ее спине привязали доску. Одета женщина была в черное платье старинного кроя, грубая шерсть которого обтягивала ее худые руки до самых запястий.

— Ты зачем положила в зелье кудрявец? — Она грозно посмотрела на меня. — Отвечай, Арабелла!

— Не знаю. — Я не понимала, какого черта незнакомка называла меня этим странным именем. — Я... не помню!

— Ты никогда не слушаешь меня! Никогда! — гневно воскликнула она. — Это не шутки! Вдохнув пары кудрявца, можно умереть или лишиться памяти на целый месяц! Что и случилось! О! Что мне делать с тобой?!

Я слушала ее и лихорадочно соображала, что происходит. Все выглядело так естественно, так реалистично! Неужели мне каким-то образом удалось переместиться в другой мир?

Обведя глазами комнату, начинала в этом убеждаться. Каменные стены, антикварная мебель, огромный камин в углу и высоченная кровать, на которой я и лежала. Еще мое внимание обратилось на то, что кругом разбросаны книги и стоят подсвечники с оплывшими свечами. Переместив взгляд на нижнюю часть тела, я замерла — ножки крохотульки в каких-то древних башмачках и подол темного платья, похожего на наряд моей собеседницы. О, неест...

Я посмотрела на прикроватный столик и, увидев круглое зеркало на длинной ручке, схватила его и уставилась на свое отражение. Что это? Кто это?!

Женщина внимательно наблюдала за мной и все больше гневалась. Ее брови сошлись на переносице, а ноздри затрепетали:

— Арабелла, ты что, не помнишь сама себя?!

— Не помню... — прошептала я, не в силах оторвать взгляд от симпатичной блондинки с голубыми глазами. Это что, я?! Девушка в зеркале была миловидной — с белой кожей и полными губами, за которыми виднелся ровный ряд зубов. У нее были темные ресницы и темные брови, что делало ее внешность яркой, в отличие от натуральных блондинок с бесцветными бровями и ресницами. На вид ей было не больше двадцати, а то и меньше.

— Так, я немедленно отправляюсь варить зелье для возврата памяти! — Она поднялась и пригрозила мне длинным пальцем. — А ты не вздумай вставать с кровати!

Ворон каркнул, словно поддакивая ей, и незнакомка улыбнулась ему:

— Да, мой хороший. Ты тоже возмущен?

Птица взлетела со спинки кресла и села ей на плечо, не сводя с меня взгляда.

Женщина ушла, шурша длинными юбками, а я сразу же соскочила с кровати и бросилась к окну.

— Чтоооо?! — почти завопила я, вцепившись в каменный подоконник, на котором тоже лежали книги. — Да где я нахожусь?!

Передо мной раскинулись зеленые пастбища, лес и горы... На одном из холмов виднелся темный замок, и скупые лучи утреннего солнца играли в его окнах разноцветными бликами. Вдалеке на лугах паслись коровы, и мне стало дурно. Горечь вернулась, и я помчалась допивать молоко.

— Леди Арабелла... как же так...

От неожиданности я поперхнулась молоком, закашлялась, и, резко повернувшись к двери, увидела немолодую женщину с темными волосами и такими же темными глазами, как у первой незнакомки. Даже взгляды у них были одинаковыми. Тяжелые, пронизательные, полные какой-то особой энергии.

Она назвала меня «леди»? Ладно... Я приму эту игру, пусть даже ее со мной вело мое подсознание, но леди? Которая варит зелье, чтобы избавиться от сорняков на огороде? Как-то чересчур...

— Маири сказала, что ты ничего не помнишь... — Женщина приблизилась ко мне и сунула в руки носовой платок. — Леди, вы чуть не умерли сами и чуть не убили Оникса!

Я еще кого-то чуть не убила? Прекрасно...

— Ах, ты ведь ничего не помнишь! — раздраженно воскликнула женщина и насмешливо представилась: — Я твоя тетка Эдана. Маири ты видела чуть раньше. Оникс — наш кот, который безмерно любит тебя и всегда таскается следом.

— Что с ним? — Я вдруг вспомнила Прошку и чуть не заплакала. Где он сейчас?

— Отходит от паров твоего зелья! — фыркнула Эдана. — Я уже дала ему противоядие. К вечеру будет ловить мышей.

— А где я нахожусь? — решила, наконец, на вопрос. Если у меня отшибло память, то он не должен вызвать удивления.

— В Шотландии! — Тетка одарила меня убийственным взглядом. — В замке Гэлбрейт! Зовут тебя Арабелла Макнотен, и ты — несносная девчонка!

Вот тебе и ну. Чудесная история, но как я оказалась в ней? Да еще и в Шотландии?

Умерла, — прошептал внутренний голос. — *Сама ведь уже догадалась, только стараешься не думать об этом.*

— Мы здесь живем втроем? — Я снова посмотрела на высокий потолок, под которым висели летучие мыши. Похоже, они вылетали отсюда сквозь дыру в крыше. Прелестно...

— Муж Маири умер на второй день после свадьбы, и она, как единственная наследница, получила эти земли, — с тяжелым вздохом ответила тетка. Видимо, ей было лень объяснять то, что я должна была по идее знать. — С тех пор мы и живем все вместе. Твоя матушка, наша сестра Исла, отдала Богу душу сразу после смерти твоего отца — лэрда Макнотена, и ты осталась с нами. Что еще тебе рассказать? Может, в тысячный раз повторить, что все мужчины, надумавшие жениться на нас, умирают в течение года, поэтому женщины нашего рода, никогда не влюбляются! И да! Мы — бедные, как церковные мыши. Так что, желающих заполучить твою руку — нет. И черт с ними.

Уже интереснее... Теперь понятно, почему мы сажаем огород. Я — леди-нищенка. Вернее, ею была та, которая занимала это тело до меня. Ну, Светка... Чтоб ты провалилась! Мне аж захотелось плакать от жалости к себе. Мало того что я умерла, так еще и переселение душ вышло тоже не ахти! Нищая шотландская девица, к тому же еще и обремененная каким-то древним проклятием!

— А какой сейчас год? — спросила я и медленно опустилась на кровать, когда услышала: